мым отреагировать Ломоносов дополнительными разъяснениями в «Примечаниях» на вольтеровскую рукопись.

Если учесть, что во «Вступлении» к опубликованной в 1766 г. «Древней российской истории» Ломоносов высказывает мысль о «некотором общем подобии в порядке деяний российских с римскими», сопровождая этот тезис развернутым сравнением стадиальности развития российской государственности с теми этапами, которые переживал Древний Рим, то язвительные экскурсы Сумарокова в древнеримскую историю по ходу рассказа о стрелецких бунтах находят свое объяснение. Впрочем, апелляции к историко-культурному наследию Древнего Рима, ссылки на Цицерона, Эпикура при обсуждении проблем российской истории неоднократно встречались в известном трактате Татищева «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», написанном в 1733 г. и распространявшемся в списках. Там, кстати, шла речь и о естественном праве как регуляторе человеческих отношений на внесословном уровне (Вопрос 98), на которое с яростью ополчается Сумароков, повествуя о бунте.

Для приближения к ответу на вопрос об объектах всех этих полемических выпадов Сумарокова существенно рассмотреть другое его сочинение, посвященное продолжению описанных в первом очерке событий и содержащее дополнительные детали относительно стимулов его обращения к данной теме. Я имею в виду оставшийся незавершенным очерк «Вторый стрелецкий бунт». Как уже было отмечено, впервые он был напечатан в 1781 г. Н. И. Новиковым в томе X «Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе...» А. П. Сумарокова.

Сумароков подобно Ломоносову видит прямую связь между причинами первого и второго бунтов. Но, так же как и при описании первого бунта, он несколько отступает от порядка освещения событий, какой имел место у Ломоносова. Последний, опираясь на известия, сообщаемые Крекшиным и Матвеевым, связывает второй бунт с выступлениями раскольников во главе с попом-расстригой Никитой Пустосвятом и стоявшими за ними князьями Хованскими. Основную заслугу в подавлении этого бунта Ломоносов относит на счет решительности юного Петра, проявленной в самый критический момент.

Сумароков начинает рассказ с описания последствий первого бунта — установления на Красной площади стрельцами столбов с указанием на них вины убитых во время мятежа бояр, ссылки и пострижения в монахи Кирилло-Белозерского монастыря Кирилла Полуектовича Нарышкина, отца вдовствовавшей царицы, спасения десятилетнего Андрея Матвеева. Но, прежде чем перейти к основным событиям второго бунта, он излагает эпизод, отсутствовавший во всех названных выше источниках и на первый взгляд с бунтом прямо не связанный. Эпизод относился ко времени начала правления Федора Алексеевича и последовавшего вскоре удаления от двора Нарыш-